

С. Я. Серов

«КАСТОВАЯ СИСТЕМА» В КОЛОНИАЛЬНОМ ПЕРУ

Назначение настоящей статьи — показать систему социальной стратификации, «кастовую систему», существовавшую в XVI—XVIII вв. в американских колониях Испании. Она именовалась «кастовой», но не приобрела, как мы увидим, такой статичности, чтобы ее можно было приравнять к ставшему классическим образцу индийских каст — варн.

Само слово «каста» на Иберийском полуострове применялось в средние века для выделения любой группы людей или животных, обладающих какими-либо «чистыми» признаками¹. В американских же колониях этот термин стал определителем смешанного, метисного населения. Первоначально группы метисов, мулатов и т. п. назывались «смешанные касты» или «цветные касты», но уже к XVII в. это название вытесняется более простым — «касты». Они отделялись от белых — европейцев и креолов — и от индейцев; к последним часто применялся термин «раса», не совпадавший с принятым в науке пониманием этого слова.

Специфика перуанского (и в значительной части испано-американского общества вообще) состоит в том, что кастовое (в научном, современном нам смысле) деление было здесь наиболее характерно для тех групп, которые так не именовались. Самыми замкнутыми слоями колониального общества были правящие, состоявшие из белых, и общинники-индейцы. В первые годы после завоевания Перу деление на белых владельцев и индейских подданных было четко установлено и определялось самим цветом кожи и чертами лица. Испанцы поэтому без особого ригоризма воспринимали допуск в высшие слои общества отдельных небелых (инков, племенных вождей, метисов инкской крови и т. п.). Но в последующие десятилетия испанская по происхождению группа замкнулась, чтобы сохранить свое положение, законодательно замкнула индейские общины и ввела деление на касты согласно доле испанской крови среди метисов. Это деление, как будет показано ниже, оказалось наименее действенным.

Формальный аспект этого процесса наиболее четко сформулировал шведский латиноамериканист М. Мёрнер, подытоживший результаты многочисленных конкретных исследований. По его мнению, кастовая система латиноамериканских колоний (в том числе и португальской Бразилии) возникла как следствие перенесения в обстановку многорасовости «иерархического, сословного и корпоративного общества Иберийского полуострова»².

¹ Словарь Коваррубаса и словарь Испанской королевской академии производят слово «каста» от латинского *castus* — «чистый», «беспорочный». В словаре же Короминаса показаны многочисленные примеры употребления этого термина в средние века именно по отношению к скоту. На этом основании слово «каста» этимологически связывается с готским *kasts* — «группа животных», «выводок птиц» и с галльским *caste* — «поколение», «род», «вид».

² М. Мёрнер, Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема, в сб. «Расы и народы», т. I, М., 1971, стр. 196; см. также: M. Mörner, *Race mixture in the history of Latin America*, Boston, 1967.

Действительно, социальная структура испанских королевств позднего средневековья, как и во всей Западной Европе, была иерархичной. Иерархическая система строго соблюдалась благодаря специфике исторического развития Испании. Реконкиста — отвоевание Иберийского полуострова у арабов — придавала всему укладу жизни военизированный оттенок, что обыкновенно связано с четким делением общества на иерархически расположенные взаимодействующие группы.

Определенная иерархия существовала и в среде конкистадоров — завоевателей Америки. Например, при разделе захваченной у индейцев добычи всадники получали больше, чем пехотинцы, командиры больше, чем рядовые, и т. д. После завоевания при раздаче пожалований первые конкистадоры обладали большими правами, чем вновь приезжавшие поселенцы. Ремесленники, торговцы, слуги занимали соответствующее место в этой системе.

Для индейцев Перу включение в иерархическую структуру не было слишком большим потрясением, поскольку инкское общество также было иерархическим. Испанские конкистадоры, уничтожив верхушку социальной пирамиды государства инков, заместили собой «снятые» слои, оставив почти неизменной общинную систему. Разумеется, это не могло происходить автоматически и без конфликтов. Наиболее сложной из социально-психологических проблем, возникших при стабилизации колониального общества, представляла, пожалуй, проблема сосуществования различных этнических групп.

Расизм как уничижительное отношение к людям другой расы не был свойствен испанской идеологии периода конкисты. Существовавшее чувство превосходства «своего» над «чужим» выражалось в представлении о католицизме как «превосходнейшей из религий», в противопоставлении людей цивилизованных «варварам» и т. д. В период позднего средневековья в иберийских государствах существовало требование «чистоты крови», по которому нужно было доказать отсутствие предков — мавров или евреев. Но здесь слишком явно заметен примат религиозной розни (это требование формулировалось и по-иному: следовало доказать принадлежность к «старым христианам», т. е. отсутствие ближайших предков из новообращенных мусульман либо иудаистов), не дающий возможности приравнять этот вариант разделения к более позднему, дошедшему до наших дней в виде расизма. Расовые различия как принцип закрепления социального неравенства — явление позднее. В XVI же веке для испанцев индейцы были просто язычниками, которых надо обратить в католичество и подчинить «христианнейшему из государей» — королю Испании.

Забота о «расовой чистоте», таким образом, не могла помешать начавшемуся с первых же лет завоевания Америки и принявшему массовые размеры процессу метисации. Темпы этого процесса были столь быстры, что в Парагвае, где испанские колонисты имели целые гаремы до 20—30 наложниц, в 1575 г. метисы могли выставить отряд в 3 тысячи бойцов, в то время как испанцы — только в 200 чел.

Это объясняется, конечно, и небольшой численностью белых женщин в Америке. Согласно пассажирским спискам кораблей, шедших в Западные Индии, как тогда официально называлась Америка, доля женщин в общем числе пассажиров составляла около 10%³. Даже в Лиме, где испанское население было более многочисленным, чем в горных районах Перу, в 1537 г. на 380 испанцев приходилось лишь 14 испанок⁴. Широкая метисация объяснялась подчас и иными факторами. Например, в Новой

³ «Catalogo de pasajeros de Indias durante los siglos XVI, XVII y XVIII», t. 1 (1509—1534), Sevilla, 1940; t. 2 (1535—1538), Sevilla, 1942.

⁴ См. D. de Trujillo, *Relacion del descubrimiento del Reyno del Peru*, Sevilla, 1948, p. 94.

воспитанниц (Мексике) в середине XVI в. испанские поселенцы предпочитали жениться на девушках из приютов, созданных специально для метисок-сирот, потому что местные власти, на попечении которых находились приюты, снабжали воспитанниц приданым. Дело доходило до того, что небогатые испанцы просили принять их дочерей в эти приюты (в таком случае испанки тоже получали приданое)⁵.

Большую роль в первые десятилетия конкисты играло стремление конкистадоров добиться повышения своего социального уровня при помощи связи с туземной аристократией. Представители маргинальных слоев испанского общества искали за океаном возможности разбогатеть и поднять свой социальный престиж. Недаром многие конкистадоры, получив желаемую сумму — в счет ли ограбления индейцев, разработки рудников или продажи энкомьенд,— уехали обратно в Испанию, в родные места, чтобы занять там более высокое положение, ранее недоступное из-за бедности.

Завоеватели стремились связать свое имя с именами местных владельцев и даже племенных и общинных вождей — касиков или курак, которых рассматривали как «князей» (*principes*). Сохраняя общинную структуру, существовавшую в Тауантинсуйо — «империи» инков, испанские власти признавали и права курак. Некоторые кураки, оказавшие испанцам содействие в завоевании, получили испанские аристократические титулы и гербы. Включение их в среду победителей становилось еще надежнее, если они устанавливали родственные связи с новыми владыками, так что и индейцы были заинтересованы в узаконенной или фактической связи своих родственников с конкистадорами. Испанская корона также проявляла интерес к такого рода союзам — по политическим мотивам. Испанская администрация даже делала попытки стимулировать метисацию (с целью ассимиляции) этих слоев индейцев. Еще в начале XVI в. на Антиллах командор Овандо рекомендовал испанцам жениться на дочерях касиков, ибо таким образом управление всеми индейцами вскоре оказалось бы в руках у законных детей испанцев — метисов, воспитанных в испанских традициях. В Перу аналогичной политике покровительствовал первый епископ г. Куско доминиканец Вальверде. Браки испанцев с дочерьми курак, принявших христианство, встречали благоприятное отношение церковных властей и королевской администрации⁶. Дети собственно конкистадоров, а не колонистов принимались либо в группу отца (внебрачное рождение не играло особой роли), либо в группу матери⁷. Многие из последних и не осознавали себя метисами, оставались индейцами по культуре и языку. Для тех же, кто принимался в отцовскую группу, обозначение «метис» никак не было главной характеристикой; оно заслонялось социальным положением, личными качествами и т. д. Но постепенно, с возрастанием численности метисов, прежде всего в городах, в портах, в рудничных поселениях (в тех центрах, где ведущую роль играли испанцы), они складываются в отдельную социальную группу, вернее, в группы, стоящие культурно вне испанской и индейской, но связанные — генетически и культурно — и с той и с другой. «Там, где индейское население было многочисленным,— пишет Клаудио Эстева Фабрегат,— на плоскогорьях Мексики, в Центральной Америке или в северных и центральных Андах, при метисации проявляется в основном индейская модель. Там же, где индейское население в тот же самый период было малозначительным, как в районе современной Аргентины и Уругвая, метисация, наоборот, ясно моделирует испанское

⁵ С. E. Marshall, The birth of Mestizo in New Spain, «Hispanic American Historical Review», vol. XIX, № 2, 1939, ps. 169, 170.

⁶ R. Koneitzke, Die Mestizen in der kolonialen Gesetzgebung, «Archiv für Kulturgeschichte», B. XLII, H. 2, 1960, S. 132.

⁷ Многочисленные примеры браков конкистадоров и индейских «принцесс» приводит A. Rosenblat, La poblacion indigena y el mestizaje en America, vol. 2, Buenos Aires, 1954, ps. 82—86.

превосходство»⁸. Проблема «смешанных каст», как стали называться эти группы, становится ощутимой уже во второй половине XVI в.⁹ К этому времени перуанское общество приняло ту форму, которая сохранится более или менее неизменной до конца колониального периода.

В индейских деревнях процесс метисации не принимал такого размаха, так как довольно рано испанцам, метисам и мулатам было запрещено здесь жить. Нарушители закона подвергались судебному преследованию.

Управление жизнью огромной Испанской Америки облегчалось установленной колониальными властями структурой. Все общество рассекалось прежде всего на две части: «республика индейцев»¹⁰ и «республика испанцев». Обе «республики» имели возможность общаться между собой по ограниченным каналам, в идеале — лишь через королевских чиновников и через священников. Тем самым индейцы должны были получать из испанской культуры только то, что считала нужным передать им администрация, и отстранялись от активного участия в делах вице-королевства. С другой стороны, «испанцы» не имели права в обход власти эксплуатировать индейцев. В «республику индейцев» входили только индейцы-общинники. Их образ жизни регулировался традиционными общинными нормами и испанскими законами. Индейцы же, ушедшие из общины (чтобы не платить подать, чтобы избежать общественных работ и т. д.), входили в «республику испанцев» вместе с метисами разных видов, неграми и белыми.

«Республика испанцев» состояла из множества более или менее четко отделенных друг от друга групп. Белое население Перу наиболее резко делилось на креолов¹¹ и приезжих из Испании, не родившихся в Америке (они звались «европейцами», «полуостровитянами» и «чапетонес»: от «чапета» — румянец). Обе группы обладали в значительной мере характерными чертами каст в привычном для нас смысле — как замкнутых объединений, хотя между ними грань была, несомненно, слабее, нежели между белыми и «цветными». Основная причина враждебности этих групп — это борьба за посты и пожалования. Новоприбывшие, как правило, имели связи в Испании и пользовались большими привилегиями, оттесняя креолов. Испанские короли и Совет Индий к тому же настоятельно относились к притязаниям креолов, особенно после ряда восстаний конкистадоров и колонистов в середине XVI в. в Перу. Имевшие обычно земельные наделы креолы не так зависели от королевской власти, как испанцы, приезжавшие с единственным желанием — разбогатеть на королевской службе и вернуться обратно. Для объявления креолов «граждански неполноценными» приводились различные объяснения — вплоть до утверждения, что креолы «вырождаются от неба и погоды тамошних провинций и теряют доброе влияние испанской крови», что земля Америки «...лучше рождает травы и металлы, нежели полезных людей, ибо вырождаются даже те, кто происходит от прибывших из Испании»¹².

⁸ C. Esteva Fabregat, El mestizaje en Iberoamérica, «Revista de Indias», año XXIV, 1964, № 95—96, p. 283.

⁹ M. Morner and Ch. Gibson, Diego Muñoz Camargo and the segregation policy of the Spanish crown, «Hispanic American Historical Review», vol. XLII, № 3, 1962, p. 562.

¹⁰ «Республика», разумеется, не в смысле «народоправство», но «народоустройство».

¹¹ Об историческом происхождении названия «креол» (этимологически — от латинского *creare* — «порождать») пишет Гарсиласо де ла Вега Чимпуокльо: «Это имя придумали негры... Среди них так называется негр, рожденный в Индиях; придумали они его, чтобы отличить... родившихся в Гвинее (так звалась наибольшая часть атлантического побережья Африки.— С. С.) от тех, что родились в Индиях, ибо тех, кто родился в стране отцов, считают более почтенными и лучшими, чем их детей, родившихся в чужом краю, и отцы обижаются, если зовут их креолами. Испанцы же по сходству ввели это имя в свой язык...» (Inca Garcillasso de la Vega, Primera parte de los Comentarios Reales..., Madrid, 1723, ps. 339—340). Позднее название утратило уничижительный оттенок.

¹² J. de Solórzano Pereira, Política Indiana, Amberes, 1703, p. 127.

К концу XVIII в. борьба креолов за первенствующее положение в колониях все чаще проявлялась в форме патриотизма, нередко бескорыстного.

Разумеется, дихотомия «креол=чапетон» была не единственным разделением в группе белых. Существовало отъединение (и объединение) по месту происхождения в Испании и месту жительства в Перу (чувство «малой родины» было сильно развито в том обществе), по профессионально-корпоративному принципу и т. д.

Ниже белых на социальной лестнице стояли метисы с разными долями белой, индейской и негритянской крови. Инка Гарсиласо де ла Вега сообщает в книге «Королевские комментарии» следующие определения различных групп, существовавших в Перу конца XVI в.: 1) кастилец (*castellano*) — родом из Испании; 2) креол (*criollo*) — сын испанца и испанки, родившийся в Америке; 3) негр, или «гвинеец» (*negro, o guineo*) — негр родом из Африки; 4) мулат¹³ (*mulato*) — сын негра и индианки или индейца и негритянки; 5) чоло (*cholo*) — дети мулатов («испанцы пользуются им для оскорбления», говорит Гарсиласо); 6) метис (*mestizo*) — сын испанца и индианки (Гарсиласо отвечает тем, кто считал слово «метис» оскорбительным: «я зову себя так во весь голос и горжусь им»); 7) «горец» (*montañés*) — метис из горных районов. Гарсиласо считает это определение оскорбительным, долженствовавшим подчеркнуть дикость; 8) куатральбо (*cuatralbo*) — сын испанца и метиски или метиса и испанки, с одной четвертой частью индейской крови; 9) тресальбо (*fresalbo*) — сын метиса и индианки или индейца и метиски, с тремя четвертями индейской крови.

«Все эти имена, — пишет Гарсиласо, — и другие, о которых, чтобы не утомлять, мы не станем говорить, были придуманы в моей земле, чтобы обозначить поколения, появившиеся после того, как пришли испанцы; и мы можем сказать, что они принесли эти названия вместе с другими вещами, которых не было раньше»¹⁴.

Большая часть известных нам наименований каст относится к концу колониального периода. В это время система каст находилась уже на стадии разложения. И, как часто бывает, именно на этой стадии развития четче проявились ее формальные черты. В XVIII в., «веке просвещения», образованные креолы и европейские путешественники активно собирали сведения о фольклоре, истории, быте народов испанских колоний. Пробуждение национального самосознания в высших кругах креолов и метисов способствовало развитию интереса к этим вопросам.

Венесуэльский ученый Анхель Росенблат в книге «Индийское население и метисация в Америке» приводит публиковавшиеся в различное время номенклатуры каст. Их явно фольклорный характер позволяет усомниться в справедливости мнения М. Мёрнера, что сложная номенклатура — дело творчества ученых и художников, сохранивших для нас эти названия. Более убедительно, на наш взгляд, предположение того же автора, что сложное деление к концу XVIII в. не играло столь уж существенной роли.

Ниже приводятся некоторые из названий, позволяющие представить сложность кастовой системы в Перу.

В середине XVIII в. Хорхе Хуан и Антонио Ульоа записали следующую номенклатуру, существовавшую на побережье Перу и в Картахене де Индиас (Новая Гранада):

- 1) мулат — белый с негром;
- 2) терцерон (*tercerón*) — белый с мулатом;

¹³ Связано со словом «мул». Вообще номенклатура каст во многом соотносится со скотоводческими терминами. Например, в списке, приводимом французским ученым Ж.-Ж. Вирейем (*J.-J. Virey, Histoire naturelle du genre humain, Paris, 1824, vol. 2, ps. 183—195*), фигурируют такие названия, как «*morisco*», «*cambujo*», «*barzino*» и пр., относящиеся к мастям скота.

¹⁴ *Inca Garsillasso de la Vega*, Указ. раб. стр. 340.

- 3) квартерон (cuarterón) — белый с терцероном;
- 4) квинтерон (quinterón) — белый с квартероном;
- 5) испанец — белый с квинтероном;
- 6) самбо (zambo) — негр, мулат, терцерон, квартерон, квинтерон с индейцем;
- 7) «сальто атрас» (salto atrás), «скачок назад» — квартерон или квинтерон с мулатом или терцероном, а также терцерон с негром.
- 8) «тенте эн эль айре» (tente en el aire), пригл. «повиси» — терцерон с мулатом или квартерон с терцероном» и т. д.¹⁵

Эти данные относятся к побережью, где процент индейцев был мал, а основные группы населения составляли белые и негры, потому-то приведенная номенклатура и отражает главным образом градацию смешения двух этих рас.

Существовавший в фольклоре широкий (Ж.-Ж. Вирей приводит 24 наименования каст) «спектр расовых цветов», по определению чилийского этнографа А. Липшуца¹⁶, не отражался в официальных документах. Законы упоминали только основные расовые группы — белых, индейцев, негров и метисов до квартерона. Более подробная градация — дело общественного саморегулирования. Жизнь перуанского колониального общества нормализовалась не только государственными предписаниями, исходившими из Испании, но и обычаями. Окруженные индейцами и метисами — носителями иных культур — креолы и испанцы с тем большим ригоризмом утверждали свои нормы быта, позволявшие им не раствориться в массе населения, сохранить свое господствующее положение в обществе. Одним из показателей принадлежности к правящей группе, группе завоевателей, стали соматические признаки. Чем светлее была кожа у человека, чем больше у него было европеоидных признаков, тем большей, предполагалось, была и доля испанской крови в его жилах.

В колониальный период в Испанской Америке повсеместно утвердилась так называемая «баррагания» — вид долговременного сожительства, не оформленного юридически. Дети, рожденные от «барраганы», не признавались законом, но общественное мнение относилось к ним снисходительнее, нежели к иным незаконнорожденным. Связь их с отцом была довольно прочной и возможности ассимиляции шире.

В Перу распространился еще один тип семьи — матрицентрический. Поскольку женщина из «цветных каст» работала наравне с мужчиной (в том числе занималась торговлей на рынках или вразнос, была прислугой и т. д.), то она могла быть независима материально; кроме того, она чаще вступала в случайные связи, причем отец обычно не признавал ребенка. По мнению Г. Эскобара, «... большинство перуанских метисных семей, как сельских, так и городских, относится к типу так называемых матрицентрических, состоящих из женщины с ее детьми, родившимися от случайных связей, в большинстве своем более чем с одним мужчиной и относительно кратковременных»¹⁷.

Таким образом, в Перу были наиболее распространены три типа семьи: 1) моногамная семья; 2) «баррагания» — долговременное сожительство, признанное обычно общественным мнением, но не законом; 3) матрицентрическая семья.

В таких условиях соблюдение границ между «кастами» было практически невозможно. Если господствующая группировка стремилась сохранить свое положение, то находившаяся в становлении метисная группа размывала социальные перегородки.

¹⁵ Цит. по: A. Rosenblat, Указ. паб., стр. 174.

¹⁶ A. Lipschutz, El Indoamericanismo y el problema racial en las Americas, Santiago de Chile, 1944, ps. 70—71.

¹⁷ G. M. Escobar, El mestizaje en la region andina: caso del Perú, «Revista de Indias», 1964, № 95—96, p. 202.

Часть метисов, стремясь повысить свой общественный статус, искала место в административном аппарате, чтобы как можно больше приблизиться к креольско-испанской сфере и по возможности войти в нее. Здесь установленный А. Липшцем «закон этнической мутации»¹⁸, согласно которому линии «спектра расовых цветов» постепенно смещались к белым, действовал наиболее целенаправленно. Метисы приписывали себе большую, чем в действительности, долю «испанской крови», чтобы получить выгодный пост в чиновной иерархии. И хотя правительственные указы запрещали предоставлять метисам административные должности, однако сама повторяемость этих указов¹⁹ свидетельствует о том, что эти законы в действительности не очень строго соблюдались. В такой ситуации, когда административный статус определялся местом в «кастовой» иерархии, по «закону обратной связи» статус метиса позволял ему воспользоваться соответствующей долей общественного престижа.

Для более широких слоев населения, состоявших из ремесленников, торговцев, мелких производителей — прототипа «средних слоев», — характерной была иная тенденция. Если в жизни первой группы принцип иерархичности, связанной с социальным статусом, господствовал, то в массе «цветных каст» (признававших его, разумеется) постепенно складывались иные отношения, основанные на принципе индивидуализма, а не корпоративности, более соответствующие развивавшемуся буржуазному укладу. Если «верхние слои» тяготели к белым, то эти «средние слои», наоборот, принимали в себя и размывали социально близкие к ним круги «белого» населения, а также включали многих бежавших из общин индейцев. Последние, даже не подвергаясь еще физической метисации, принимали культуру метисов, называли себя метисами и со своей стороны приносили элементы индейской культуры в жизнь метисов. Относительная открытость этой группы способствовала ускорению темпов метисации, несмотря на противодействие властей, обеспокоенных ростом численности метисов²⁰.

Низшие слои в социальной иерархии составляли люди с примесью негритянской крови. Торговля неграми к моменту завоевания Перу была распространена по всей Америке. Еще в отряде Писарро имелись негры. Вскоре негры — рабы и вольноотпущенники — составили заметную часть «республики испанцев». Число мулатов и самбо было столь значительным, что они вместе с неграми составили отряд в 500 человек уже во время восстания Эрнандеса Хирона в 1555 г. Неграм и их потомкам был запрещен любой труд, кроме неквалифицированного. Здесь еще раз проявилось обычное для Испанской Америки расхождение между законом и реальностью. Негры в действительности часто распоряжались индейцами, хотя номинально считались «низшими». В конце XVIII в. некоторые богатые негры покупали право считаться белыми, по специальным королевским указам, так называемым *cédulas de gracias al sacar*.

В колониальном обществе имелась еще одна метисная группа, юридически принадлежавшая к «республике испанцев». В этой группе перемешивались все касты: она состояла из преступников, бродяг, нищих и т. д. Огромное множество их переходило из города в город, из поселка в поселок, грабя незащищенных индейцев. Интенсивное перемещение этой группы, естественно, способствовало дальнейшей метисации (в архивах Испании и латиноамериканских стран сохранилось немало документов, посвященных этому вопросу)²¹. Во время восстания индейцев под руко-

¹⁸ A. Lipschutz, *El problema racial en la Conquista de América y el mestizaje*, Santiago de Chile, 1967, p. 302.

¹⁹ R. K o n e t z k e, *Colección de documentos para la formación social de Hispanoamérica*, Madrid, t. 1, 1953, ps. 498, 512, 513, 554—556, 567; t. 2, 1958, ps. 61, 64, 65, 68, 85, 99, 100.

²⁰ С. М. Е s c o b a r, Указ. раб., стр. 201.

²¹ См. М. М ö g n e r, *La Corona española y los foráneos en los pueblos de indios de América*, Estocolmo, 1970.

водством Хосе Габриэля Кондорканки в 1780—1782 гг. значительную силу в его войсках представляли люди из «маргинальных слоев». Проблема обуздания такого рода элементов стояла перед колониальными властями с середины XVI в. В 60-е годы судья Хуан Матьенсо писал: «Негры и мулаты и некоторые метисы, дети индианок от испанцев, неспокойны, дурны и неисправимы, и число их настолько возрастает, что, может быть, придет время, когда будут они ходить отрядами, совершая нападения и грабежи, или объединятся с индейцами и взбунтуют их, что было бы полным разорением...»²².

Для метисов и индейцев переход в маргинальные слои предоставлял возможность вырваться из кастовой системы, отмечает Норман Мартин, автор исследования о бродягах в Новой Испании²³. Аналогичной работы, посвященной андийскому региону, к сожалению, пока еще нет. Тем не менее можно предположить, что сходные социальные условия привели к появлению большой маргинальной группы и в Перу по тем же причинам, что и в Новой Испании.

Таким образом, к концу XVI в. в вице-королевстве Перу сложилась кастовая социальная система (кастовая и по названию, и по принципу организации), постепенно усложнявшаяся в течение всего колониального периода. Эта система, возникшая как средство политической защиты малочисленной группы испанцев от растворения метисными массами, стала регулятором общественной и культурной жизни, быта и труда, с разными нормами в разных слоях. Ведущие касты — белые с тяготеющими к ним слоями метисов — были тесно связаны с социальными институтами, построенными по испанским образцам и существенно не менявшими свою структуру в течение нескольких веков. Этим объясняется то, что социальная динамика этих групп была незначительна и проявлялась главным образом в действии упомянутого «закона этнической мутации».

«Смешанные касты» были несравненно более динамичны как в социальном, так и в культурном отношении. Они легче поставляли новых членов и в высшие касты, и в низшие слои и принимали в себя новых членов гораздо легче, чем высшие страты. Культурной моделью для них был испанский либо креольский уклад (по различным причинам они не могли пользоваться некоторыми испанскими ценностями, прежде всего теми, которые служили символом общественного положения — из-за генетической и культурной связи с индейцами и метисами). «Смешанные касты» восприняли многие элементы индейской культуры и выработали на их основе свои собственные. Пресловутый «закон этнической мутации», конечно, не переставал действовать и в этих слоях.

Вышеизложенная система, как было показано, не на всех своих уровнях действовала одинаково. В борьбе тенденций — к отъединению групп и к размыванию границ между ними — одна тенденция сильнее проявлялась в одной группе, другая — в другой, в зависимости от среды и времени. Стремление сохранить границы между кастами четко видно в официальных документах. Политика короны и церкви, опиравшаяся на средневековую традицию, была направлена к упрочению иерархизированного общества. В церковных приходах имелись отдельные книги регистрации белых, индейцев и «каст». Священники стремились соблюдать эндогамность «каст» при заключении браков, «чтобы женить их законно и позволительно», по выражению иезуита Х. Гумильи. Однако традиционной для церкви была также тенденция к растворению всех этнических групп в христианской общности, и эта тенденция проявилась, например, в начале XVIII в., когда, согласно булле папы Климента XI, кварталы были объявлены белыми, и поэтому, как отмечает в 30-х годах XVIII в. Гу-

²² J. de Matienzo, *Gobierno del Perú*, Paris — Lima, 1967, p. 84.

²³ N. E. Martin, *Los vagabundos en la Nueva España, Siglo XVI*, Mexico, 1957.

милья, «среди новообращенных уже нет иных различий, кроме как между индейцами и метисами»²⁴.

Выше говорилось об иерархической стратификации согласно соматическим признакам. Таким же внешним показателем места в социальной иерархии была одежда. Указ 1571 г., например, гласил: «Никакая негритянка, ни свободная, ни рабыня, да не носит золото, жемчуг или шелка; но если свободная негритянка или мулатка выйдет замуж за испанца, то может носить золотые сережки с жемчужинами, и ожерелье, и на юбке опушку из бархата, и не могут носить, и да не носят накидки из газа (*bugato*) или другой ткани, но платки, которые были бы длиной чуть ниже пояса. В противном случае с них будут сняты и для них потеряны золотые драгоценности, шелковые одежды и накидка»²⁵. Политическая группировка «мантуанос» в Венесуэле конца XVIII в. получила свое прозвище потому, что жены членов этой колониальной элиты имели право посещать обедню в накидке — «манте». Многочисленные запреты метисам носить оружие были связаны, вероятно, не только с боязнью восстаний, но и с тем, что сам факт ношения шпаги или аркебузы определял принадлежность к «белым».

Закон запрещал метисам, мулатам и самбо заниматься определенными видами ремесел²⁶. Выбор профессии регулировался двояко: с одной стороны, закон затруднял доступ к административным должностям, временами — к должностям церковным, к некоторым ремеслам, определенным социальным группам, создавая преграды «поднятию касты». С другой стороны, обычай не позволял члену высших слоев заниматься работой низших каст. Пережитки такого отношения к труду и к техническим наукам сохраняются в Перу и по сей день.

Борьба двух тенденций — к повышению и сохранению своего престижа, осознаваемая и принимаемая как норма общественной жизни, с одной стороны, и к размыванию каст, к слиянию их в новые социальные группы, на иной основе — с другой, — такая борьба происходила главным образом в среде метисного населения. В креольско-испанских кругах вторая тенденция проявлялась крайне слабо вплоть до конца XVIII в. Среди метисов постепенно, вначале неосознанно, при противодействии властей, а нередко и самих членов «каст» возобладала вторая тенденция, не давшая колониальному перуанскому обществу застыть в строго регламентированных рамках. Называя организацию метисных слоев кастовой, мы исходим прежде всего из ставшего традиционным исторически реального наименования. В результате контакта испанской и индейской культур только европейская часть «республики испанцев» организовалась по кастовому принципу с явной целью удержать господствующие позиции. «Республика индейцев» при поддержке колониального законодательства сохранила прежнюю общинную структуру. Метисная же группа, сама возникшая в результате «активного взаимодействия» испанцев, индейцев и негров (в результате контакта не только физического, но и культурного), поскольку она с самого начала была включена в «республику испанцев», организовалась по установленным здесь нормам стратификации. Однако, поскольку именно эта группа стала носителем новых социально-экономических отношений, наряду с частью креолов создав перуанскую буржуазию, внутри нее кастовое деление довольно быстро стало фикцией.

С установлением республики «кастовое» деление было формально отменено и все граждане были признаны равными перед законом, но пережитки этого деления сохранялись до XX в.

²⁴ J. Gumilla, *El Orinoco ilustrado y defendido*, Caracas, 1963, p. 85.

²⁵ N. León, *Las castas del México colonial o Nueva España. Noticias etnoantropológicas*, Mexico, 1924, p. 10.

²⁶ R. Konezke, *Colección de documentos...*, t. 1, ps. 484, 485, 488, 491, 492, 498, 512, 513, 554—557, 567.